

или вынесено в отдельную словарную статью. Другой пример – гнездо гл. *biti*. В этом гнезде лишь упомянуты отглагольные имена с вокализмом *o* в корне (*razboi*, *uboi* и др.), архаичность слов. **bojъ* никак не оговорена. Если верно сближение слов. слова с иллир. *Boīs* (личное имя собств.), велика вероятность индоевропейских истоков праславянского имени (ЭССЯ 2, 168). Каждый такой случай заслуживает самостоятельного рассмотрения в словаре.

Традиционный гнездовой подход к этимологии, корневая этимология не исчерпали своих возможностей. На современном этапе развития этимологии признается плодотворным сочетание суммарно-гнездового подхода с детальной, расчлененной подачей лексического материала. В центре внимания современной этимологии цельноформленное слово, усилия этимологов направлены на поиски в индоевропейских языках точных цельнолексемных соответствий. Очень важно в составе славянского гнезда родственных образований выделить слова с глубокими индоевропейскими связями. К сожалению, в словаре осталось неотмеченным, что слов. **čьrta*, производное от гл. **cersti*, **čьrtq* (~лит. *kiřsti* ‘рубить, ударять’, др.-инд. *kr̥tati* ‘режет, дерет, обдирает’ и т.д.), имеет свой ряд точных индоевропейских соответствий – др.-инд. *kṛta* ‘трещина, расселина’, лит. *kirtà* ‘удар’ (ЭССЯ 4, 161; *Słownik prasłowiański* 2, 252), что дает основание для вывода о глубокой древности славянского слова.

Составители базируются исключительно на материалах SJS и в ряде случаев не учитывают уточнения, корректиды, внесенные последующими исследованиями. Так, слово *br̥ęgъ* приводится в одном значении ‘берег’. Но как показывает анализ³, ст.-слав. слово интересно тем, что в определенных контекстах сохраняет значение ‘склон, откос горы, гора’, непосредственно связанное с исходным этимологическим значением слов. **bergъ*.

Обращает на себя внимание тщательность, аккуратность, выверенность подготовленной публикации. Начатое брненской группой новое сложное словарное предприятие заслуживает одобрения и поддержки. Славистика пополнилась новым словарем, выполненным на самом высоком профессиональном уровне.

Л.В. Куркина

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Etymologický slovník slovanských jazyků. Ukázkové číslo. ČSAV. Ústav jazyků a literatur. Brno, 1966.

² Havlová E. a kol. Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Zasadý práce a ukázky hesel // Slavia. Roč. 55, 1986, seš. 4, 337–354.

³ Цейтлин Р.М. Заметки по старославянской лексикологии // Этимология 1971. М., 1973, 102–104.

Historický slovník slovenského jazyka. I.A.–J. Vedecký redaktor M. Majtán. Bratislava. Veda. 1991, 536 s.

До последнего времени словацкая наука не имела исторического словаря словацкого языка. Фактически не было и серьезных попыток его создания. Тем большее значение имеет новаторская работа коллектива ученых Института языкоznания им. Людовита Штура САН, взявшихся за выполнение этой сложной и актуальной задачи. В 1991 г. Издательство Словацкой академии наук “Веда” выпустило в свет первый том “Исторического словаря словацкого языка” (далее ИССЯ), который несомненно вызовет глубокий интерес словакистов и славистов. Публикация первого тома ИССЯ (авторы: В. Бланар, Э. Йона, И. Котулич, Е. Красновска, Р. Кухар, М. Майтан, М. Майтанова, Шт. Пециар, Б. Ричиова, Я. Складана; редакторы: М. Майтан, В. Бланар, И. Котулич, Шт. Пециар) знаменует начало успешной реализации давно задуманной и тщательно разработанной программы создания словацкого исторического словаря.

Систематическая работа над этим словарем ведется с 60-х годов, но еще раньше началась подготовка необходимой словарной базы. В чехословацких и зарубежных архивах и библиотеках проводился широкий поиск древних рукописных памятников, отражающих лексику словацкого языка долилитературного (докодификационного) периода, то есть до

конца XVIII в., когда благодаря кодификаторской деятельности А. Бернолака сформировался первый вариант литературного словацкого языка – "бернолаковщина"; расписывались старые печатные книги, словари и т.п.; на основе сплошной и выборочной экспертизы рукописных и опубликованных текстов составлялась словарная картотека, велись первичная систематизация и классификация собранного лексического материала. Параллельно с этим коллективными усилиями создавалась исходная теоретическая концепция ИССЯ, которая с течением времени претерпела, правда, определенные изменения. По первоначальному замыслу предполагалось создать большой исторический словарь с многочисленными примерами из словацких письменных источников XV–XVIII вв. Концепция такого словаря, разработанная под руководством В. Бланара, нашла отражение в пробном выпуске, опубликованном в 1973 г.¹ Однако в силу того, что составление и издание подобного словаря не было обеспечено кадровыми, материальными и финансовыми возможностями, была выдвинута идея подготовки исторического словаря среднего типа. В 1978–1986 гг. постепенно вырабатывалась и уточнялась его обновленная концепция, одним из наиболее существенных моментов которой стало расширение хронологических рамок словаря в глубь истории, вплоть до XI в. Такая позиция представляется вполне обоснованной, поскольку период с XI в. по XIV в. играет очень важную роль в развитии словацкого этноса, этнического самосознания и языка словаков². Хотя связные словацкие тексты, относящиеся к данному периоду, не сохранились, ценные сведения по истории словацкого языка и, в частности, по истории его словарного состава, могут быть почерпнуты из латинских грамот того времени и памятников письменности на чешском языке, который проник на словацкую этническую территорию в конце XIV в. Без учета этого материала невозможно научное освещение эволюции праславянской лексической базы словацкого языка, возникновения и развития специфических словацких лексико-семантических и словообразовательных элементов, отражения в словарном составе словацкого языка интенсивных межъязыковых контактов, характерных для указанного периода.

Первый том ИССЯ содержит краткое предисловие (с. 9–10), достаточно развернутые вводные разделы (с. 11–69) и собственно словарную часть (с. 71–335). В вводных разделах отмечается насущная необходимость такого словаря как важного источника изучения языка и жизни словацкого народа в прошлом, его научного, историко-культурного и практическое значение, раскрывается специфика данного труда как исторического словаря среднего типа, его цель и назначение, характеризуются основные принципы его исходной концепции, хронологические рамки словаря и его документальная база. Довольно подробно излагаются также принципы и методы лексикографической обработки словарного материала (построение словарной статьи, способы раскрытия смысловой структуры заглавного слова, приемы его грамматической, генетической, лингвогеографической и стилистической характеристики и т.п.). Здесь же находим список архивов и библиотек, из фондов которых подбирались письменные источники, а также перечень этих источников (рукописных и опубликованных), включающий более 300 позиций.

Своей целью авторы считают научное описание и лексикографическую обработку словарного состава языка словацкой народности в его восьмисотлетнем развитии на основе сохранившихся языковых памятников (с. 14). Понятно, что невозможно было собрать однородный и равнозначный лексический материал, отражающий отдельные этапы истории словацкого языка в столь широких хронологических рамках. В связи с этим большое внимание былоделено критериям и принципам отбора источников словаря, на базе которых можно было бы собрать материал, позволяющий в концентрированном виде представить системный характер и диахронию лексико-семантического уровня словацкого языка долитературного периода. Основной корпус источников составляют связные тексты на словацком языке, относящиеся к XV–XVIII вв. (сюда, естественно, не включены письменные памятники на "бернолаковщине"). В этой собственно словацкой письменности отражались характерные черты диалектной речи словаков и так называемого словацкого культурного языка (культурного интердиалекта)³. Эти памятники наиболее полно представляли жанровое и тематическое разнообразие словацкой письменности (административно-деловые и юридические документы, религиозную, научную и научно-популярную литературу, художественные прозаические и поэтические сочинения, записи устного народного творчества и др.). Наряду с этим в качестве источников привлекались, как уже говорилось, письменные памятники на чешском языке. При этом приходилось решать сложную проблему разграничения словацких и чешских текстов. Дело в том, что в результате контактирования двух близкородственных языков в ряде письменных памятников

обнаруживались заметные проявления интерференции словацких и чешских языковых элементов. К тому же и в собственно словацких текстах использовалась традиционная чешская графика. Для составителей ИССЯ главным критерием при отборе источников являлось то, в какой мере в них отражались специфически словацкие языковые черты. Словацким памятником признавался "такой рукописный или печатный текст, который можно считать словацким не только по происхождению автора, месту возникновения, назначению и т.п., но и по языку памятника" (с. 17). Такие памятники расписывались полностью. Из чешских источников XIV в. и более позднего времени, если в них сохранялась чешская литературная норма, извлекались прежде всего словацкие языковые элементы (словакизмы), а также некоторые освоенные словацким языком лексические богемизмы. Наконец, древнейшие свидетельства о словарном составе словацкого языка были получены из латинских письменных источников XI–XV вв. Это была главным образом ономастическая лексика – разного рода собственные имена существительные апеллятивного происхождения.

ИССЯ представляет собой толковый и документированный исторический словарь с р е д н е г о т и п а (планируется издание трех томов), что во многом определяет объем и состав словаря и способ построения словарной статьи.

Не претендую на роль словаря тезаурусного характера, ИССЯ тем не менее включает значительную часть словарного состава словацкого языка, представленную в письменных памятниках XI–XVIII вв. Его словарь составлен на основе анализа богатейшей картотеки, насчитывающей около 2 млн. выписок. Основную часть словарника образует апеллятивная лексика (прежде всего исконная, но в значительной мере иноязычная по происхождению), в ограниченном объеме представлены также имена собственные. Следует отметить нетривиальный подход к лексикографической обработке последних в данном словаре (см. с. 21–22). Помимо того, что часть имен собственных выступает в качестве заглавного слова и, следовательно, самостоятельной словарной статьи, например: *Anglicko, Babylon, Eden, Austriak, Cigán, Čech, Hladoľet 'Сатурн', Jupiter*, проприальная лексика используется в целях экземплификации заглавного слова – нарицательного существительного или прилагательного; в этом случае имя собственное приводится в конце статьи и отделяется от ее основной части значком Р. Так, в статье *deviatník* после толкования первого значения этого слова "*výberač deviatku*" (сборщик девятой части урожая) и соответствующего примера за значком Р дается антропоним *Nicolaus Dewatnyk* с указанием источника; в конце статьи *bystrý* – топоним *aqua Bistríc* и т.п. Иногда имя собственное оказывается единственным примером, иллюстрирующим заглавное слово, ср. статью: *fúkač m kto fúka: P atpn Girik Fukac TURANY 1562.*

В построении словарной статьи авторы ИССЯ придерживаются определенной типовой схемы, удачно сочетая принципы информативности и экономии. Заглавное слово выступает в орфографической и фонетической форме современного словацкого литературного языка. При отсутствии определенного слова в современном языке оно приводится в форме, реконструируемой на основе вариантов, которые встретились в использованных источниках. За заглавным словом даются его фонетические, морфологические, а в ряде случаев и словообразовательные варианты. Далее при помощи соответствующих сокращений указываются частеречные и основные грамматические признаки слова, у иностранных и заимствованных слов – язык-источник (иногда и посредник). Термины и стилистически маркированные слова снабжены стилистическими квалификаторами, указывающими главным образом на сферу употребления слова (*adm, astron, bibl, bot, filoz, geol, med* и т.п.) или его экспрессивную окраску (*expr, fam, iron, rejor, vulg* и др.). Затем идет объяснение значения слова, раскрытие его смысловой структуры, для чего используются разные приемы.

Как известно, раскрытие лексического значения слова – одна из наиболее трудных задач, стоящих перед составителями исторических словарей. Авторы ИССЯ основной упор делают при этом на краткое описательное толкование значения слова. Если речь идет об отживших или в настоящее время малоизвестных реалиях, то даются дефиниции энциклопедического характера. При объяснении ботанических и зоологических терминов приводятся современное словацкое специальное наименование и международный латинский термин. Во многих случаях лексическое значение слова раскрывается при помощи современного синонима (иногда в комбинации с кратким толкованием). Однако наиболее существенным является то, что авторы ИССЯ не ограничиваются инвентаризацией зафиксированных в памятниках слов и их значений, а стремятся выявить и показать

системные связи обрабатываемой лексики. При вычленении отдельных значений полисемантического слова и установления их иерархии учитывается не только конкретный отрезок текста, в котором употреблено данное слово, но и результаты лексико-семантической реконструкции, основанной на анализе более широкого материала. Уточнению значения заглавного слова способствует также указание на его антонимические отношения, на характерную для него лексическую и синтаксическую сочетаемость, на словообразовательную мотивированность (при помощи ссылки к исходному слову или посредством гнездового расположения слов).

Важной чертой ИССЯ является то, что в нем строго выдерживается принцип документированности. В словарь включены только те слова, которые представлены в использованных памятниках. Поэтому в качестве заглавного слова не приводятся казалось бы очевидные мотивирующие слова, производным от которых посвящены отдельные словарные статьи, например, есть статья *anatemizováť*, но отсутствует *anatéma* (ср. аналогичное соотношение мотивирующего и производного слова: *anatomizovat'* и *anatómia*), есть *epidemický*, но нет *epidémia* и т.п. Далее, все значения заглавного слова, включая переносные, подтверждаются цитатными примерами (минимальными словосочетаниями или отрывками текста), которые приводятся в той форме, в какой они зафиксированы в соответствующем памятнике письменности. При этом каждая цитата сопровождается указанием на место и год (век) написания памятника или же приводится сокращенное название источника. Если на одно значение дается несколько примеров, то они располагаются в хронологическом порядке. Если примеры берутся из многоязычных словарей, то иногда они ограничиваются иноязычным эквивалентом (прежде всего латинским), см., например, статью: *d'akovač [de-] m kto d'akuje: glaturator: d'ekowač KS 1763*. Полнее раскрывать смысловую структуру заглавного слова помогает тщательно проработанная в ИССЯ подача лексикализованных словосочетаний и фразеологизмов.

Уже судя по первому тому ИССЯ можно сказать, что это будет серьезный лингвистический труд, важный этап в развитии словацкой исторической лексикографии. ИССЯ вводит в научный оборот новый до сих пор малоизученный материал, который дает объективное представление о словацкой лексике исследуемого периода. В нем мы находим немало языковых фактов, свидетельствующих о динамике словарного состава, об изменениях в семантике и структуре отдельных лексем, целых рядов слов, объединенных в лексико-семантические и тематические группы, и словообразовательных типов. В этом смысле состояние словацкой лексики, описываемое ИССЯ в рамках длительного периода, по сравнению с ее современным состоянием характеризуется не только естественными и очевидными чертами сходства, но и рядом отличительных признаков. В частности, у многих слов, сохранившихся до настоящего времени, наблюдаются определенные семантические сдвиги, что появляется в полном или частичном несовпадении смысловой структуры конкретной лексической единицы в долилитературный период и в современном языке, например: *abstrahovať* 'отделять/отделить' (совр. 'абстрагировать'), *anatómia* 'подробное объяснение, анализ' (совр. 'анатомия'), *bohovať* 'править как бог' (совр. 'ругаться, ругать'), *fabrikant* 'рабочий мануфактуры' (совр. 'фабрикант, заводчик'), *chládok* '1. теневое, прохладное место; 2. беседка' (совр. '1. теневое, прохладное место; 2. (разг. экспр.) тюрьма', спр. русск. устар. *холодная*), *ilúzia* 'необоснованная насмешка, издевательство' (совр. 'иллюзия'), *industria* 'предпримчивость, активность' (совр. (устар.) 'промышленность') и др. Иногда можно зафиксировать изменение только в формальной структуре, например: *chápka* 'понимание' (совр. *chapanie*).

В ИССЯ описано значительное число производных слов, которые с течением времени вышли из употребления. Яркие примеры в этом плане обнаруживаются, в частности, в разряде отлагольных имен существительных со значением лица, образованных при помощи продуктивного суффикса *-tel*, спр.: *cifrovatel'* 'кто делает украшения или украшает что-либо', *čistitel'* 'кто чистит что-либо, чистильщик', *dopustitel'* 'кто допустил что-либо, виновник', *hotovitel'* 'кто готовит что-либо', *choditel'* 'кто ходит за кем-либо', *inácitel'* 'кто меняет, преобразует что-либо, реформатор' и др. Зафиксированное в ИССЯ у существительного *chládok* значение 'беседка' современными словарями словацкого языка не отмечается. Между тем, наряду с этим словом в XVIII в., как показывают материалы ИССЯ, функционировали семантически связанные с ним производные *chladník* 'беседка, садовый павильон' и *chladníkár* 'садовник, ухаживающий за беседкой', которые в современном языке уже не представлены.

Отметим еще одно наблюдение. В ИССЯ мы находим довольно много производных

существительных с суффиксом *-ár* (*-iar*) со значением лица по роду деятельности или профессии, которые в современном словацком литературном языке не употребляются, например: *akciár* 'собирщик акцизного налога', *almužnáŕ* в значении 'нищий' (согр. *almužník*), *brazdár* 'пахарь', *čítár* (и *čítač*) 'чтец' (согр. *čítač*), *falšiar* (и *falošník*) в значении 'обманщик, лицемер' (согр. *falošník*), *fl'ašnáŕ* 'изготовитель бутылок из жести, жестянщик', *hovádár* 'пастух', *chlubár* 'хвастун', *ihlár* 'изготовитель игл' и т.п. Производные с указанным значением образовывались и с другими синонимичными суффиксами. ИССЯ рисует яркую картину широкой словообразовательной вариативности этих производных, ср., например, следующие ряды синонимических существительных с разными суффиксами: *árendáŕ*, *árendás*, *árendovník*, *árendátor* 'арендатор' (согр. *árendátor*); *beháč*, *behaj*, *behák*, *behan*, *behár*, *behúň* 'бегун' (согр. *behaj*, *behúň*, *bežec*; есть и *beháč*, но в значении 'вагонетчик, откатчик'), *darca*, *daríteľ*, *darovač*, *darovateľ* 'даритель' (согр. *darca*, редк. *darovateľ*), *harfaník*, *harfáŕ*, *harfáš*, *harfista*, *harfonista* 'арфист' (согр. *harfista* и устар. *harfenista*, *harfeník*).

Естественно, что в таком сложном впервые создаваемом историко-лексикографическом труде можно заметить и определенные недочеты, некоторые из принятых в нем методических установок могут представляться дискуссионными. В качестве примера укажем на некоторые отступления от гнездового расположения глагольных лексем, относящихся к видовым парам. Во вводных разделах говорится, что по данному принципу (в общих статьях) разрабатываются бесприставочные видовые пары типа *hodíť* – *hádzat'*, *kúpiť* – *kupovat'* и приставочные глаголы типа *oddelíť* – *oddel'ovat'*, *vyhodíť* – *vyhodzovat'*, причем коррелят несов. вида приводится при глаголе сов. вида (с. 38). Что касается пар второго типа, то у них гнездовое расположение выдерживается в первом томе ИССЯ довольно последовательно. Отметим только, что изредка все же встречаются гнезда с обратным порядком: глагол сов. вида приводится при глаголе несов. вида, ср.: *dopomáhat'* (несов.) и при нем *dopomôdť* (сов.), *dožierat'* (несов.) и при нем *dožrať* (сов.). Более заметны отклонения от гнездового расположения слов в видовых парах первого типа. Даже глаголы *hodíť* 'бросить' – *hádzat'* 'бросать' даются не в одном гнезде, а в отдельных словарных статьях, причем при глаголе сов. вида не указан коррелят несов. вида. Правда, это можно считать технической погрешностью. Дело в том, что видовая соотносительность названных глаголов оказывается тем не менее эксплицитно выраженной, так как каждое из трех лексических значений глагола *hádzat'* имеет отсылку к идентичному значению глагола *hodíť*. Не выдерживается гнездовой принцип и при разработке других пар данного типа, например: *chopiť* 'взять, схватить; понять' – *chápat'* 'брать, хватать; понимать', *chytiť* 'схватить, взять' – *chytať* 'хватать, брать'. Не совсем понятно, почему в отношении некоторых однотипных производных слов применяются разные приемы лексикографической разработки. Так, например, деминутивные существительные даются то в одном общем гнезде с исходным существительным (ср. *dvor* и сокращенные деминутивы *-ec*, *-ok*, *-ček*), то отдельно от исходного слова (ср. статью *dom*, где отсутствует указание на возможность деминутивного производного, и статью *domček*, *domok*, *domeček*). Иногда при деминутиве находим отсылку к исходному имени существительному, которое в словаре не представлено как заглавное слово (ср. статью: *formátik* m *dem k formát* (*kníhy*)).

По нашим наблюдениям, не всегда последовательно реализуется декларируемое положение о том, что каждое значение слова в принципе документируется четырьмя – пятью примерами. Можно привести несколько слов, значения которых проиллюстрированы двумя и даже одним примером, ср. словарные статьи: *afirmovať*, *altán*, *bažantnica*, *brázdnik*, *darmotlach* и др.

Наконец, можно отметить и ряд изредка встречающихся ошибок: *horliwec* вм. *horlivec* (с. 432), в статье *háj* указывается форма производного прилагательного *-ný* вм. *-nu* (с. 391), аналогичная ошибка в статье *hodináŕ*, где приводится форма прилагательного *-ský* вм. *-sky* (с. 420), в статье *čížmár* назван источник KS 1764 вм. правильного указания на 1763 г. (с. 220), *latt* вм. *lat* (с. 73).

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что рецензируемый словарь займет достойное место в ряду славянских исторических словарей, он выполнен на высоком теоретическом и методическом уровне, с учетом новейших достижений в области славянской исторической лексикологии и лексикографии. ИССЯ дает в систематизированном виде важные и многоаспектные сведения о составе, функционировании и динамике лексики в дололiterатурный период истории словацкого языка. Ценные сами по себе они вместе с тем являются необходимой и надежной базой для последующих исследований по исторической лексикологии и диахроническому словообразованию. Накопленный авторами ИССЯ опыт

будет полезен и при подготовке словацкого исторического словаря тезаурусного типа. Кроме того, ИССЯ имеет и более широкое историко-культурное значение. Обработанная в нем лексика, отражающая определенные этапы развития материальной и духовной культуры словацкого народа, представляет большую ценность не только для лингвистов, но и для историков, этнографов, культурологов, литературоведов, социологов и др. Нельзя не отметить также общий высокий технический и полиграфический уровень издания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Slovenský historický slovník z predspisovného obdobia. Uzážkový zošit / Vedecký redaktor St. Peciar. Bratislava, 1973, 356 s.

² См.: Смирнов Л.Н. Этническое самосознание словаков в свете лингвистических данных // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989, 245–255.

³ Подробнее об этом см.: Смирнов Л.Н. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978, 88–93.

Л.Н. Смирнов

Wörterbuch der vergleichenden Bezeichnungslehre. Onomasiologie. Begründet und herausgegeben von J. Schröpfer. Bd. I. Lief. 5/6, 7/8 (unter Mitarbeit von A. Höning). Heidelberg, 1989: Carl Winter Universitätsverlag. S. 197–514.

Организация материала в 5/6 и 7/8 выпусках "Словаря сравнительной ономасиологии", как и в предшествующих, весьма строго выдержана в духе принципов, описанных основателем и издателем словаря, Й. Шрепфером. Поскольку об этих принципах, а также целях и задачах ССО нам уже приходилось говорить¹, мы остановимся ниже, главным образом, на конкретном содержании очередных выпусков, высказав предварительно некоторые соображения общего характера.

Завершив в 5/6 выпусках публикацию материалов серии А (*Ausgabe A*) по теме 'числительные', ССО, "по выраженной его многочисленными пользователями просьбе" (S. 252), начиная с темы 'время', стал вводить в раздел "Allgemeines" больший объем информации, предназначенней преимущественно для публикуемой во вторую очередь серии В (*Ausgabe B*) и касающейся происхождения и первоначальной семантики привлекаемого ономасиологического материала ("Kommentarteil" и "Motivationsteil"). Этим отчасти устраняется отрыв "общего" от "комментирующего", но затрудняется выполнение "общим" разделом его специфических функций, одна из которых заключается в соотнесении ономасиологических и иных языковых данных с широким историко-культурным фоном, ср. предпринимаемые ССО экскурсы в область истории общества, литературы, науки. Заметим, что здесь, вероятно, были бы уместны и данные мифологии и фольклора, к которым ССО обращается очень редко. Те историко-культурные данные, которые словарь привлекает, дают для описания "истории идей" (К.Д. Бак) относительно немного и выглядят скорее некими отступлениями, перемежающими информацию этимологического порядка. Последняя, в свою очередь, заслуживает упрека в некотором однообразии, что во многом объясняется или отсутствием аргументации или ее несколько односторонним, сугубо семантико-типологическим характером. В некоторых случаях (см., например, в статье 'время', S. 255–283) аккумуляция этимологических справок достигает такого предела, когда "центривающая" материал пространственно-временная перспектива теряется из виду. Впрочем, некоторая диффузность ее обрисовки может считаться общим недостатком разделов "Allgemeines". Так, материалы по теме 'числительные', касающиеся систем счета и связанных с отдельными числами древних мифopoэтических ассоциаций, не дают о них достаточно последовательного представления. Между тем, для решения этой задачи, ССО, как и в ряде других случаев, было бы достаточно шире использовать уже существующую литературу, например, раздел о числительных в недавней монографии об индоевропейцах и их языке².

Рецензируемые выпуски не уменьшили уже высказывавшихся нами опасений,